

На кафедре его называли Шеф. Студенты называли его Сэнсей. Иногда проще, по-русски — Учитель. В наши дни мало кому везет оказаться рядом с человеком, который может служить для тебя ориентиром, эталоном профессионализма, жизненной мудрости и самовыражения. Мне повезло, у меня есть такой человек. Я часто ловлю себя на том, что я ему подражаю. Особенно в аудитории. И, понимая всю неуклюжесть такого поведения, я себя не одергиваю, потому что признаю очевидное: даже одно лишь механическое копирование уже помогает возвыситься над самим собой.

Когда-то в Афинах один чудак по имени Сократ увлек нескольких людей своими живыми, мудрыми и ироничными диалогами. Из этого родилась афинская школа, на тысячелетия вперед предопределившая ход развития философии. Для меня Владимир Никифорович — это калининградский Сократ. Он любил вспоминать, что пришел поступать на философию под впечатлением от сократических диалогов Платона. Влияние этих диалогов легко угадывается и в его учебнике логики, на страницах которого не без иронии постоянно беседуют Автор, Сообразительный студент и Студент-тугодум. Все мы знаем, что Владимир Никифорович писал гораздо меньше, чем мог. И одна из причин этого абсолютно сократическая — он не жалел времени и сил на живое общение, работу в аудитории, создание яркого, увлекательного образовательного и коммуникативного пространства. Это был его осознанный выбор и, по моему убеждению, он себя полностью оправдал. Созданная им атмосфера учила и вдохновляла на собственный поиск гораздо лучше любых монографий, статей и учебников.

Его уровень всегда казался заоблачным. Студентом и аспирантом я долго боялся говорить с ним, заикался как невинный юноша перед возлюбленной. Достоверно знаю, что многие в его присутствии полностью теряли дар речи. И это при том, что он никогда не говорил с людьми

свысока, всегда держался просто и открыто. Я никогда не видел более тонких, остроумных и светлых людей, у Шефа же все это было сопряжено еще и с колоссальной работоспособностью, эрудицией, любовью к своему делу. Он легко мог бы стать успешным бизнесменом, ибо умел «делать деньги», имел прекрасные организаторские способности. Он мог бы сделать политическую карьеру, ибо у него был безусловный ораторский дар, умение договариваться, быстрая реакция, личное обаяние и харизма. Но какое же счастье для нас, что он выбрал быть здесь, рядом с нами, во главе небольшой кафедры провинциального университета.

Сейчас нам всем кажется, что Владимир Никифорович ушел слишком рано, несвоевременно. И это правда. Его смерть абсолютно необъяснима. У нее нет ни причин, ни смысла. Он был образцом здорового образа жизни, всегда источал свет, энергию молодости и жизнелюбия. Из вредных привычек можно назвать лишь стремление работать без выходных и отпусков. Никто не помнит, чтобы он всерьез болел или жаловался на свое здоровье. Всем казалось, что он в расцвете сил и переживет многих из нас.

Его жизнь можно назвать короткой, если мерить ее отпущенными годами и незавершенными замыслами. Но мне кажется, он сам предпочел бы мерить ее событиями и свершениями. И если взглянуть под таким углом зрения, он прожил удивительно долго, хватило бы на десятки обычных жизней. Он спешил жить, и его способности позволяли сохранять в этой спешке легкость, точность и осознанность действий. Он быстро говорил, быстро читал, быстро думал, быстро работал. Невозможно было понять, как он успевал все, за что брался, казалось, он тайно овладел алхимией времени, позволявшей раздвигать сутки далеко за пределы обычных 24 часов. И сейчас нам всем очень трудно представить, как мы можем сохранить этот темп. Да что там, нам всем сейчас не очень ясно, какая вообще в Калининграде без него может быть философская жизнь.

Однако, кажется, это тоже вопрос сократический. Мы оглядываемся по сторонам, робко спрашиваем у самих себя: А есть ли среди нас Платоны? Сдюжим ли?